

ФОРМЫ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ В «СИРЕ» ИБН ИСХАКА – ИБН ХИШАМА

© 2017 г. А.Б. Куделин

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 12 сентября 2017 г.

Дата публикации: 25 декабря 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-44-63

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу форм прозаической речи как одному из основных приемов художественного исторического повествования в «Жизнеописании Пророка» (*ас-Сира ан-набавиййа*) Ибн Исхака (ум. в 150/767 г.) – Ибн Хишам (ум. в 218/833 или 213/828 г.). Сюжетное повествование создается в этом сочинении посредством разных форм прозаической речи, как прямой, так и косвенной, которые играют существенную роль в Сире не только при составлении деловых сообщений о событиях, но и при создании текстов сюжетного повествования. Помимо простых случаев непосредственного повествования от лица того или иного персонажа, в статье анализируются примеры нескольких видов сложных преобразований форм прозаической речи в труде Ибн Исхака – Ибн Хишам, когда то или иное сообщение в прямой речи одного персонажа преобразуется в цепи последовательных его воспроизведений в разных сочетаниях прямой и косвенной речи другого персонажа или рассказчика.

Ключевые слова: арабистика, Ибн Исхак, Ибн Хишам, *ас-Сира ан-набавиййа*, средневековье, сюжетное повествование, формы прозаической речи, прямая речь, косвенная речь.

Информация об авторе: Александр Борисович Куделин – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель института, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: abkudelin@rambler.ru

THE FORMS OF PROSAIC SPEECH IN *AL-SĪRA* BY IBN ISHĀQ – IBN HISHĀM

© 2017. A.B. Kudelin

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
Received: September 12, 2017
Date of publication: December 25, 2017

Abstract: The present article offers an analysis of forms of prosaic speech, seeing them as an important means for producing the literary/historical narrative of “The Life of the Prophet” (*Al-sīra al-Nabawiyya*) by Ibn Ishāq (d.150 AH/767 AD) – Ibn Hishām (d. 218 AH/833 AD, or 213 AH/828 AD). The plot-organized narrative is created there through various forms of prosaic speech, both direct and indirect, which prove operative in *Al-sīra* in shaping formal accounts of events as much as in forming plot-centered storytelling. Apart from the simple instances of direct utterances authored by this or that character, the article considers several examples of complicated modes of prosaic forms appearing in the Ibn Ishāq – Ibn Hishām writing, when a certain direct utterance of the first speaker is reworked, through various combinations of direct and reported speech, resulting in a chain of coherent utterances of another speaker or narrator.

Keywords: Arabic studies, Ibn Ishāq, Ibn Hishām, *Al-sīra al-Nabawiyya*, Medieval studies, plot-structured narrative, forms of prosaic speech, direct speech, reported speech.

Information about the author: Alexander B. Kudelin, Academician of the RAS, DSc in Philology, Professor, Academic Director of the Institute, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: abkudelin@rambler.ru

Настоящая статья посвящена анализу форм прозаической речи в контексте изучения приемов сюжетного повествования в Сире. Для подступа к данной теме представляется полезным напомнить главные выводы нашей работы «“Жизнеописание Пророка” Ибн Исхака — Ибн Хишама: между историографией и литературой».

Сира характеризуется наличием различных форм отражения действительности — от историографического принципа сообщения о событии, в целом восходящего к *хабарам*, до литературных приемов изображения события в связанном рассказе, генетически связанных по преимуществу с *аййам ал-'араб*. Именно этим ветвям арабского доисламского и раннеисламского предания «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака (ум. в 150/767 г.) — Ибн Хишама (ум. в 218/833 или 213/828 г.) во многом обязано, в частности, своим местом между историографией и литературой, сочетанием двух разнонаправленных тенденций: склонности к документальной точности сообщений о событиях и стремлением к литературному изображению событий в связанном повествовании [5].

Данные выводы представляют собой необходимый пролог к непосредственному анализу приемов сюжетного повествования в Сире. Последние не могут не отражать специфического положения этого труда между средневековыми арабскими историографическими и литературными сочинениями.

При анализе приемов сюжетного повествования в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама нам представляется возможность в очередной раз воспользоваться опытом исследователей древнерусской

литературы. В большом коллективном исследовании «Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе» подводятся итоги многолетнего изучения заявленных в его названии проблем, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемым в нашей работе сюжетам.

Прежде всего считаем полезным в самом общем виде сказать о том, что собственно авторы названного труда имеют в виду под приемами сюжетного повествования. В сжатой форме о них говорит В.П. Адрианова-Перетц: «В главе о беллетристических элементах летописи XI–XIII вв. показано, какую роль в построении художественного исторического повествования, возникшего рядом с деловым сообщением о событиях, играли отдельные приемы: прямая речь, авторская характеристика действующего лица — его душевных качеств и внешности, описание обстановки, в которой развивается действие» [1, с. 94].

Перечисление приемов не случайно начинается с упоминания прямой речи. В свое время Д.С. Лихачев обратил особое внимание на место, занимаемое прямой речью в древнерусских памятниках [6, с. 94]. Позднее исследователи стали совершенно определенно говорить о ведущей роли прямой речи среди других приемов сюжетного повествования в древнерусской литературе. Так, например, О.В. Творогов, достаточно подробно рассматривающий данный вопрос на материале русских летописей XI–XIII вв., говорит: «Изобразительность и описательность в летописных рассказах занимают весьма скромное место. Основным приемом сюжетного повествования является прямая речь» [7, с. 55].

Не вдаваясь в детальное освещение многих важных аспектов данной проблемы в работе О.В. Творогова «Сюжетное повествование в летописях XI–XIII вв.», остановимся подробнее на тех из них, что имеют прямое отношение к нашему исследованию сочинения Ибн Исхака — Ибн Хишама. Мы имеем в виду прежде всего классификацию форм прямой речи. Ученый предлагает различать в русских летописных рассказах три вида прямой речи — документальную, иллюстративную и сюжетную.

Документальная прямая речь, в интерпретации О.В. Творогова, опирающегося на соответствующее исследование Д.С. Лихачева¹, «исторична»,

1 Подробнее см.: [6, с. 95 и др.].

«значительна по содержанию, существенна для понимания исторических событий»; к ней относятся «обращения князей к дружинникам, речи, передаваемые ими через послов, или, наоборот, речи горожан к князю» [7, с. 56].

«Иллюстративная прямая речь», согласно О.В. Творогову, содержится «чаще всего в пределах летописных сказаний». «Она еще не выполняет собственно литературной функции — не служит характеристике действующих лиц, не вносит каких-либо дополнительных штрихов в описание», — пишет ученый, а ее основная функция — «“иллюстрация” фавулы, “оживление” описываемых событий»; «иллюстративная речь в основном пересказывает то, что происходит» [7, с. 56, 57].

«Сюжетная прямая речь», по определению ученого, «употребляется чаще всего в составе летописных рассказов для передачи частных бесед, внутренней речи персонажа, являясь средством его характеристики. Диалог иногда сопровождается описанием говорящих, их жеста и позы, их настроения. Речь эта эмоциональна, психологична. Во всех этих случаях она является одним из важнейших компонентов сюжетного повествования» [7, с. 58].

В «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама также можно выделить с определенными уточнениями и оговорками, которые в данный момент не столь и важны, три вида прямой речи. Важно подчеркнуть, что разные виды прямой речи играли ту или иную роль в Сире не только при «построении художественного исторического повествования», но и при создании текстов «деловых сообщений о событиях». Документальная, иллюстративная и сюжетная прямая речь корреспондируют в данном сочинении в разных сочетаниях с тремя формами отражения действительности — сообщением сведений о событиях, рассказом о событиях и изображением событий.

Виды прозаической речи как одного из основных приемов построения художественного исторического повествования окажутся в центре нашего внимания. Предварим наш анализ уточнением, что в отличие от древнерусской литературы косвенная речь играет в «Жизнеописании Пророка» заметную роль². Поэтому наш анализ форм прозаической речи в Сире

2 В данном случае мы сошлемся на авторитетное мнение Д.С. Лихачева. «Древняя русская письменность XI–XIII вв. почти не знает косвенной речи, — пишет ученый. — За редкими исключениями слова действующих лиц повествования передаются в форме прямой речи. Следовательно, место, занимаемое прямой речью в древнерусском повествовании, уже в силу одного этого должно было быть и больше, и значительнее, чем впоследствии» [7, с. 94].

с необходимостью будет включать, помимо видов прямой речи, и виды косвенной речи. Необходимо внести и второе уточнение о том, что во многих случаях отнесение того или иного примера прямой речи к определенному виду не может быть совершенно точным.

После данных разъяснений мы можем обратиться непосредственно к «Жизнеописанию Пророка».

Сюжетное повествование создается в этом сочинении посредством разных форм прозаической речи, как прямой, так и косвенной. Помимо простых случаев непосредственного повествования от лица того или иного персонажа, не требующих специального объяснения, в труде Ибн Исхака — Ибн Хишама имеются разные виды сложных преобразований, когда то или иное сообщение в прямой речи одного персонажа преобразуется в цепи последовательных его воспроизведений в разных подвидах прямой и косвенной речи другого персонажа. Дадим в предварительном порядке классификацию форм прозаической речи с учетом данных преобразований и затем рассмотрим их на конкретных примерах.

Различные виды передачи (цитирования, изложения, пересказа) сообщения посредством прямой и косвенной речи:

(1) прямая или косвенная речь персонажа (персонажей) непосредственно цитируется повествователем;

(2) прямая речь персонажа, переданная от его лица в повествовании, воспроизводится полностью или в сокращении в прямой речи другого персонажа — опосредованная передача прямой речи в прямой речи;

(3) прямая речь персонажа, переданная от его лица в повествовании, воспроизводится в косвенной речи другого персонажа или нарратора — опосредованная передача прямой речи в косвенной;

(4) прямая речь персонажа, переданная от его лица в повествовании, воспроизводится в разных формах сочетания (в том числе сложных) прямой речи с косвенной другого персонажа или нарратора — опосредованная передача прямой речи в разных формах сочетания прямой речи с косвенной.

Рассмотрим примеры прозаической речи Сиры Ибн Исхака — Ибн Хишама по рубрикам предложенной нами классификации.

(1-1). «Когда посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, услышал, что Абу Суфьян возвращается из Сирии с караваном, он послал против него мусульман, сказав: “В этом караване находится богат-

ство курайшитов. Идите на них, может быть, Аллах дарует вам его в качестве добычи»» [8, S. 427; 3, с. 55–56]³.

Прямая «документальная» речь Мухаммада передается повествователем непосредственно от лица предводителя мусульман.

(1–2). «Абу Суфйан же, когда приблизился к Хиджазу, принялся выведывать новости, расспрашивая всех встречных всадников, опасаясь за своих людей. И вот, какие-то встречные всадники сообщили Абу Суфйану: “Мухаммад поднял на тебя и твой караван своих сподвижников”. Из предосторожности Абу Суфйан договорился с Дамдамом ибн ‘Амром ал-Гифари, что тот за плату отправится в Мекку к курайшитам, поднимет их на защиту своего имущества и сообщит им, что Мухаммад со своими сподвижниками преградил каравану путь» [8, S. 428; 3, с. 56].

Повествователь сообщает важную информацию Абу Суфйану непосредственно в прямой «документальной» речи анонимных информаторов. Сами же распоряжения Абу Суфйана повествователь передает в косвенной речи, имеющей «документальный» характер.

(1–3). «‘Атика бинт ‘Абд ал-Мутталиб увидела сон, который ее очень напугал. Она послала за своим братом ал-‘Аббасом ибн ‘Абд ал-Мутталибом и сказала ему: “Брат! Клянусь Аллахом, сегодня ночью приснился мне страшный сон. Я боюсь, что он несет твоим людям беды и несчастья. Сохрани в тайне то, что я тебе скажу”. Брат сказал: “Что же тебе приснилось?”. ‘Атика сказала: “Я увидела, как к нам скачет всадник на верблюде. Всадник остановился в городской долине и закричал громким голосом: “Что же не спешите вы, вероломные люди, к гибели вашей через три дня?” Вокруг него начали собираться люди. Он проследовал внутрь Святынища⁴, и люди последовали за ним. Окружили они его, и вдруг он оказался вместе со своим верблюдом на крыше Ка‘бы, откуда прокричал то же самое (*сумма сараха би-мисли-ха*): “Что же не спешите вы, вероломные люди, к гибели вашей через три дня?” Затем он предстал на своем верблюде на вершине Абу Кубайс и прокричал то же самое (*фа-сараха би-мисли-ха*)...”

Тут ал-‘Аббас воскликнул: “О Аллах, ну и сон! Ты тоже держи все в тайне и не говори о своем сне никому»» [8, S. 428–429; 3, с. 56–57].

3 Здесь и далее опубликованные переводы из Сиры с небольшими изменениями цит. по: [3].

4 Имеется в виду святилище Мекки, где стоит Ка‘ба.

Фрагмент содержит диалог 'Атики с братом, рассказ 'Атики о сне в ее прямой «сюжетной» речи, включающий в рамках рассказа информацию от анонимного всадника — дважды в прямой «документальной» речи (один раз с буквальным повтором), третий раз — простое ее упоминание («прокричал то же самое»).

(1–4). «Умайя ибн Халаф решил было остаться, а был он старцем степным, дородным, грузным, но тут пришел к нему 'Укба ибн Аби Му'айт, когда тот сидел в мечети в окружении своих сородичей. В руках у 'Укбы была курильница, в которой тлели палочки благовоний. Он поставил курильницу перед Умайей и сказал: “Подушись, Абу 'Али, ведь никак ты из числа женщин”. Тот сказал: “Чтоб ты пропал! Да изведет Аллах тебя и твои пакости”, а потом снарядился и выступил вместе с остальными» [8, S. 430; 3, с. 60–61].

«Сюжетная» прямая речь в данном примере, в соответствии с приведенным выше определением, «эмоциональна, психологична», живой диалог «сопровождается описанием говорящих, их жеста и позы, их настроения».

(1–5). Отряд мединцев, посланный Мухаммадом на разведку к источнику Бадр, приводит в лагерь мусульман захваченных курайшитских пастухов. Вот как об этом рассказано в Сире.

«Привели они их в свой лагерь и стали допрашивать, а посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, в это время молился. Пленные сказали: “Мы — пастухи курайшитов. Они послали нас напоить скот у этого источника”. Мусульмане, услышав это, очень огорчились, так как надеялись, что это люди Абу Суфйана, и начали бить пленных, причем так переусердствовали, что те сказали: “Мы — от Абу Суфйана”. Тогда их оставили в покое.

Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, преклонил колена и совершил два поклона, произнес славословие, а потом сказал: “Когда они были искренни, вы их били, а когда солгали, вы оставили их в покое. На самом деле они, клянусь Аллахом, от курайшитов. Итак, что вы можете рассказать о курайшитах?” Пленные сказали: “Клянемся Аллахом, они вот за тем песчаным холмом, который виднеется вдали”... Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “А сколько их?” Они сказали: “Много”. Он сказал: “Какова их численность?” Они сказали: “Не знаем”. Тогда он сказал: “А сколько голов скота они закалывают каждый день?” Они сказали: “Когда девять, когда десять”. Посланник Аллаха, да

благословит его Аллах и приветствует, сказал: “Значит, их человек девятьсот-тысяча”...» [8, S. 436; 3, с. 71–73].

Прямые речи диалога Мухаммада с курайшитскими пленными пастухами могут квалифицироваться и как «иллюстративные», и как «сюжетные».

Перейдем к рассмотрению примеров, относящихся к другим рубрикам нашей классификации.

(2) «Ибн Исхак сказал: После того, как была одержана победа, посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, послал ‘Абдаллаха ибн Раваху к жителям Верховья (верхней части Медины) вестником о победе, которую Аллах, велик Он и славен, даровал посланнику Своему, да благословит его Аллах и приветствует, и всем мусульманам. Зайда ибн Харису он послал к обитателям Низовья (нижней части Медины).

Усама ибн Зайд сказал: “...И тут дошла до меня весть о прибытии Зайда ибн Харисы. Я бросился к нему и застал его в молельне, где его обступили люди. Зайд говорил: «Убиты ‘Утба ибн Раби’а, Шайба ибн Раби’а, Абу Джахл ибн Хишам, Зама’а ибн ал-Асвад, Абу-л-Бахтари ал-‘Ас ибн Хишам, Умаййа ибн Халаф, Нубайх и Мунаббих, сыновья ал-Хадждажа». Я сказал: «Отец! Это правда?» Он сказал: «Да, сынок, правда, клянусь Аллахом»”

Затем посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, выступил с караваном в Медину...» [8, S. 457; 3, с. 107–108].

Ибн Исхак рассказывает в данном отрывке об исходе сражения при Бадре, однако суть дела излагается не в его повествовании, а в сложноорганизованной прямой речи Усамы ибн Зайда.

В результате получается следующая цепочка: прямая «иллюстративная» речь Ибн Исхака (повествование Ибн Исхака) ⇒ прямая «сюжетная» речь (сообщение) Усамы ибн Зайда в повествовании Ибн Исхака ⇒ прямая «документальная» речь (сообщение) Зайда ибн Харисы в прямой речи (в сообщении) Усамы ибн Зайда ⇒ прямая речь (продолжение сообщения) Усамы ибн Зайда в его же (Усамы ибн Зайда) прямой речи ⇒ прямая речь Зайда ибн Харисы в прямой речи Усамы ибн Зайда (завершение сообщения) ⇒ прямая речь Ибн Исхака (возвращение к повествованию Ибн Исхака).

Схематично этот фрагмент текста Сиры выглядит так:

Ибн Исхак ⇒ {Усама ибн Зайд ⇒ [Зайд ибн Харис] + [Усама Ибн Зайд ⇒ Зайд ибн Харис]} ⇒ Ибн Исхак.

Рассмотрим следующий пример.

(2 + 3). Ибн Исхак рассказывает историю об обращении в ислам ‘Умайра ибн Вахба ал-Джумахи, сын которого попал во время битвы при Бадре в плен к меккамцам. Приведем ниже в таблице два отрывка из этой истории. Первый из них (левая колонка) содержит фрагмент разговора в Мекке, около Ка‘бы, который ‘Умайр вел наедине с представителем рода Омейядов Сафваном ибн Умаййа ал-Джумахи. Второй (правая колонка) — фрагмент из беседы ‘Умайра ибн Вахба с Пророком ислама в Медине. Мухаммад пересказывает своему собеседнику его тайный разговор с Сафваном, послуживший отправной точкой поездки ‘Умайра в Медину. Потрясенный тем, что Мухаммаду известно то, что не может быть известно обыкновенному человеку, ‘Умайр ибн Вахб уверовал в его пророческую миссию и принял ислам [8, S. 472–473; 3, с. 132–134].

<p>«Ибн Исхак сказал: Рассказывал мне Мухаммад ибн Джа‘фар ибн аз-Зубайр со слов ‘Урвы ибн аз-Зубайра, который говорил: “‘Умайр упомянул брошенных в колодец и всех пострадавших в сражении, а Сафван сказал: «Клянусь Аллахом, после них в жизни не осталось ничего хорошего». ‘Умайр сказал: «Да, ты прав, клянусь Аллахом. Если бы не долг, который висит на мне и который я не в состоянии заплатить, и не дети, которые, боюсь, пропадут без меня, то я бы, клянусь Аллахом, отправился к Мухаммаду и убил бы его. Ведь у меня и повод есть — мой сын у них в плену». Сафван воспользовался случаем и сказал: «Я беру на себя твой долг и выплачу его за тебя, а дети твои будут как мои дети. Я позабочусь о них. Все, что будет у меня, будет и у них»»».</p>	<p>«Ибн Исхак сказал: Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “...Вы сидели с Сафваном ибн Умайей в <i>хиджре</i> (заповедное место близ Ка‘бы) и вспоминали о курайшитах, брошенных в колодец. Тут ты сказал: (а) <i>«Если бы не мои долги и не мои дети, я бы поехал, чтобы убить Мухаммада»</i>. (б) <i>Тогда Сафван взял на себя и твои долги, и заботу о твоих детях при условии, что ты убьешь меня, однако Аллах воспрепятствовал этому»</i>».</p>
--	--

Мы не станем выстраивать схематическую цепочку прямых и косвенной речей в данных фрагментах: ясно, что она не будет простой и соединит в себе рубрики (2) и (3) нашей классификации. Отметим лишь, что во фрагменте Сиры в правой колонке Мухаммад пересказывает в своей прямой «сюжетной» речи в сокращении в прямом изложении (а) прямую «сюжетную» речь ‘Умайра (2) и затем в косвенном изложении (б) передает прямую «сюжетную» речь Сафвана ибн Умаййа (3).

В приводимом ниже еще одном отрывке из этой же истории Ибн Исхак четырежды передает информацию: один раз (а) при помощи прямой «сюжетной» речи и трижды (б, в, г) косвенной речью (все четыре выделены нами курсивом): «Когда же ‘Умайр ибн Вахб отправился в Медину, Сафван ибн Умаййа все время говорил: (а) *“Ждите благой вести, что придет к вам на днях. Она заставит вас забыть о событиях Бадра”*, а (б) *сам каждого приезжего спрашивал об ‘Умайре*, (в) *пока, наконец, один из всадников, прибывших в Мекку, не рассказал ему, что ‘Умайр обратился в ислам*. (г) *Тогда Сафван поклялся никогда больше не говорить с ним и не оказывать ему никакой помощи»* [8, S. 473; 3, с. 134].

Рассмотрим еще один пример.

(4-1). Объезжая окрестности Бадра незадолго перед битвой, Мухаммад и один из сподвижников встретили старика-бедуина и стали спрашивать его, не говоря ему, кто они такие, о курайшитах и мединцах.

Вот как излагается ответ старика в Сире: «Старик сказал: “Дошло до меня, что Мухаммад и его сподвижники выступили *в такой-то и такой-то день (йавмун каза ва-каза)*. Если тот, кто сообщил мне это, говорил правду, то они сейчас *в таком-то и таком-то месте”* (назвал место, где находился посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует) *(би-маканин каза ва-каза ли-’л-макани ’л-лази фи-хи расулу ’л-лахи салла ’л-лаху ‘алай-хи ва-саллама)*. “Дошло до меня также, что курайшиты выступили *в такой-то и такой-то день (йавмун каза ва-каза)*. Если тот, кто сообщил мне это, говорил правду, то они сейчас *в таком-то и таком-то месте”* (назвал место, где находились курайшиты) *(би-маканин каза ва-каза ли-’л-макани ’л-лази би-хи курайшун)*» [8, S. 435; 3, с. 71].

В приведенном фрагменте известная старику информация передается в его прямой «документально-иллюстративной» речи с исполь-

зованием приемов косвенного изложения. Документальные детали сообщения дважды устраняются из прямой речи действующего лица (актанта) с помощью косвенного изложения: *в такой-то и такой-то день, в таком-то и таком-то месте*. Повтор документальных деталей, известных читателю, мог бы загромождать рассказ подробностями, о которых только что говорилось в Сире⁵. Поэтому они сокращаются, конечно же, повествователем при включении сообщения в описание битвы при Бадре при латентном обращении к читателю: не мог же на самом деле старик вместо перечисления точных сведений сказать при обращении именно к Мухаммаду: «*в такой-то и такой-то день, в таком-то и таком-то месте*». В результате получается своеобразное и достаточно тяжелое включение в прямую речь стилистических оборотов косвенного изложения: прямая речь строго не выдерживается от начала и до конца, но и не перелагается в корректную косвенную речь. Неловкость фразы дважды усугубляется к тому же введением в нее слов от самого повествователя (рассмотрение их последует ниже), пытающегося пояснить читателю, что в первом случае речь идет о местонахождении Мухаммада, а во втором — курайшитов.

Тяжеловесность фразы, обусловленная недостаточным развитием повествовательной техники ко времени составления «Жизнеописания Пророка», тем не менее свидетельствует, на наш взгляд, о несомненном стремлении Ибн Исхака добиться связности повествования при его очевидной литературности.

Приведем еще один пример.

(4-2). Сходный прием сокращения сообщения, представленного в прямой речи, мы находим во фрагменте Сиры, в котором описываются сомнения курайшитов относительно целесообразности вступления в битву с мусульманами при Бадре. В приводимом ниже фрагменте первую

⁵ Ал-Вакиди в изложении данного эпизода, текстуально близкого Сире Ибн Исхака — Ибн Хишама, упрощает конструкцию: говоря дважды применительно и к курайшитам, и к мединцам *в такой-то и такой-то день (йавмун каза ва-каза)*, он тем не менее указывает точное местонахождение и тех, и других ([2, с. 50]; арабский текст напечатан в трех томах со сплошной пагинацией; ввиду этого ссылки на него даются без указания тома).

часть занимает прямая «документальная» речь знатного курайшита ‘Утбы ибн Раби’а, с которой он обратился к соплеменникам-«язычникам», вторую — изложение этой речи видным курайшитом Хакимом ибн Хизамом одному из самых непримиримых врагов мусульман среди курайшитской знати Абу-л-Хакаму ‘Амру ибн Хишаму, по прозвищу Абу Джахл, «Отец невежества».

«Затем ‘Утба ибн Раби’а встал и обратился к людям с речью: “Курайшиты! Клянусь Аллахом, вы ничего не добьетесь, если выйдете против Мухаммада и его людей. Клянусь Аллахом, даже если вы его сразите, люди все равно будут ненавидеть один другого за убийство либо двоюродного брата по отцу, либо двоюродного брата по матери, либо еще кого-то из сородичей. Вернитесь, не вмешивайтесь в дела Мухаммада с прочими арабами. Если они убьют его, то вы этого и хотели, а если случится по-иному, то он не будет держать зла на вас, коль скоро вы не выступили против него, что вам и надобно”.

Хаким сказал: “Я отправился на поиски Абу Джахла, а когда нашел его, то увидел, что он уже вынул свои доспехи из чехла и смазывает... их. Я сказал ему: «Абу-л-Хакам! ‘Утба послал меня к тебе *с тем-то и тем-то* (би-каза ва-каза)» и пересказал ему слова ‘Утбы”» [8, S. 441–442; 3, с. 81–82].

Информация о призыве ‘Утбы ибн Раби’а к курайшитам содержится в прямой «иллюстративной» речи Хакима ибн Хизама, обращенной к Абу Джахлу. Однако сами слова призыва не приводятся даже в сокращенном виде — они только упоминаются: «послал... *с тем-то и тем-то*». Как и в ранее приведенном фрагменте о встрече Мухаммада со стариком-бедином, мы находим здесь включение в прямую речь стилистического оборота косвенного изложения: прямая речь (а) ‘Утба послал меня к тебе завершается оборотом косвенного изложения (б) *с тем-то и тем-то*. Как и в предыдущем случае, прямая речь строго не выдерживается от начала и до конца, но и не перелagается в корректную косвенную речь. Как и в предыдущем случае, оборот косвенного изложения принадлежит не участнику эпизода, а нарратору в латентном обращении к читателю, который не нуждается в повторении известной ему речи ‘Утбы ибн Раби’а: ведь не мог же на самом деле Хаким сказать Абу Джахлу: «‘Утба послал меня к тебе *с тем-то и тем-то*!»

Как и в предыдущем отрывке, повторение документальных деталей, известных читателю, могло бы загроздить рассказ ненужными подробностями. Поэтому они сокращаются нарратором, вторгающимся в прямую речь персонажа; однако нарратор не перелагает прямую речь в косвенную, что было бы естественно для зрелой прозы. Корявость фразы, происходящая от сочетания прямой речи с приемами косвенного изложения информации, и на этот раз усугубляется добавлением слов от самого повествователя, пытающегося пояснить читателю, что, говоря: «*послал меня к тебе с тем-то и тем-то*», он имеет в виду призыв 'Утбы ибн Раби'а к курайшитам.

Добавление-комментарий от повествователя и в первом (встреча со стариком-бедуином), и во втором фрагментах сливается с прямой речью с элементами косвенной в трудно разъединяемое и практически не переводимое на другие языки целое. Действительно, дать близкий к оригиналу и одновременно удобочитаемый перевод нижеследующих арабских текстов едва ли возможно.

Соответствующий арабский текст в первом случае (приводится дважды) гласит: *би-маканин каза ва-каза ли-'л-макани 'л-лази фи-хи (би-хи)*, что в буквальном переводе означает: «*в таком-то и таком-то месте места, где...*», «*в таком-то и таком-то месте, относящемся к месту, где...*». Если переводить буквально, то оригинальный текст *би-маканин каза ва-каза ли-'л-макани 'л-лази би-хи курайшун* вместо приведенного выше перевода: «Если тот, кто сообщил мне это, говорил правду, то они сейчас в таком-то и таком-то месте» (назвал место, где находились курайшиты)», превратится (приведем один из вариантов) в следующую косноязычную фразу: «Если тот, кто сообщил мне это, говорил правду, то они сейчас в таком-то и таком-то месте», относящемся к месту, где находились курайшиты».

Добавление-комментарий во фрагменте об Абу Джохле (арабский текст: *би-каза ва-каза ли-'л-лази кала*) в буквальном переводе значит: «*с тем-то и тем-то, относящимся к тому, что он сказал*», «*с тем-то и тем-то из того, что он сказал*», «*с тем-то и тем-то из сказанного им*». Если произвести операцию замены, как в первом случае, то вместо приведенного ранее перевода арабской фразы (*'инна 'Утбата 'арсала-ни 'илай-ка би-каза ва-каза ли-'л-лази кала*) («*'Утба послал меня к тебе с тем-то и*

тем-то» и пересказал ему слова 'Утбы), получится в одном из вариантов: «'Утба послал меня к тебе с тем-то и тем-то из того, что он сказал».

В русском переводе в обоих случаях пришлось отойти от буквализма: старик-бедуин в арабском тексте не «называл» места, где соответственно расположились мусульмане и курайшиты; Хаким ибн Хизам в оригинале не «пересказывал» Абу Джахлу слова 'Утбы. Переводчики — не только на русский язык — вынуждены каждый раз обходить сложности арабского текста с помощью введения описательных оборотов для объяснения смысла (к слову сказать, достаточно прозрачного)⁶.

Во всех трех переводах (русском, английском, французском) переводчики отказались от буквалистски точной передачи арабского текста. Сделано это было для того, чтобы избежать тяжеловесности арабского оригинала. Причем и в первой истории со стариком, и в последней истории тяжеловесность оригинальных фраз была обусловлена не спецификой арабского синтаксиса, трудного иногда для передачи в переводе на другие языки, а именно недостаточным развитием повествовательной техники ко времени составления «Жизнеописания Пророка». Переводчики, таким образом, произвольно как бы устраняют изъяны повествовательной техники Ибн Исхака. В позднейших историографических текстах арабов, характеризующихся более высоким уровнем повествовательной техники, подобные триединые слияния (прямая речь — стилистические обороты косвенного изложения вместо переложения в косвенную речь — комментирующие пассажи от нарратора) без обозначения ясных границ между их составными частями нам не встречались⁷. Вместе с тем необхо-

6 Приведем для иллюстрации английский и французский переводы соответствующего фрагмента из последней истории.

В английском переводе говорится: «“Utba has sent me to you with such-and-such a message,” and I told him what 'Utba had said» ('Утба послал меня к тебе с таким-то посланием, и я сообщил ему, что сказал 'Утба) [10, p. 298]. Во французском находим практически то же самое — пересказ, а не перевод: «“'Utbah m'envoie pour te dire ceci et cela” — ce que 'Utbah l'avait chargé de dire» ('Утба послал меня, чтобы сказать тебе то-то и то-то — то, что 'Утба поручил ему сказать) [9, t. I, p. 526].

7 К слову сказать, в «Магази» аналогичный эпизод с диалогом Хакима ибн Хизама с Абу Джахлом не содержит отсылки к речи 'Утбы, однако чуть позже, после встречи с другим персонажем, Хаким говорит, упоминая уже свой разговор с Абу Джахлом: *фа-култу ла-ху мисла ма култу ли-Аби Джахлин (и я сказал ему то же, что сказал Абу Джахлу)* [2, с. 66]. Избегая отмеченной стилистической шероховатости, возникающей от включения фигуры нарратора и латентного читателя в текстах Сыры, ал-Вакиди «порукает» самому

димо отметить, что рассмотренные фрагменты обеих историй фиксируют, на наш взгляд, первые ощутимые, пусть пока и относительно скромные, для современного наблюдателя, достижения Ибн Исхака на пути беллетризации становящегося связного повествования Сиры.

Выше мы привели предварительную классификацию разных форм прозаической речи, которая, разумеется, не могла охватить всё их многообразие. В подтверждение этой мысли мы хотели бы, завершая наш анализ, обратить внимание на интересный текст из Сиры Ибн Исхака — Ибн Хишама, который формально следовало бы отнести, согласно данной классификации, к рубрике (2) — прямая речь персонажа воспроизводится полностью или в сокращении в прямой речи другого персонажа.

Приведем сначала русскую транслитерацию оригинального текста: *ва-лав ла 'ахду расули 'л-лахи салла 'л-лаху 'алай-хи ва-саллама 'илай-йа 'ан ла тухдис шай'ан хатта та'ти-ни сумма ши'ту ла-каталту-ху би-сах-мин* [8, S. 683].

Близкий к оригиналу перевод (абсолютно точному переводу текст не поддается) может выглядеть следующим образом: «*И если бы не повелел мне Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: чтобы “ничего не делай, пока не придешь ко мне” — и лишь потом [я мог бы делать], что захочу — я сразил бы его (Абу Суфйана. — А.К.) стрелой*».

Особенность арабского текста состоит в том, что в оригинале в прямую речь персонажа: «И если бы не повелел мне Посланник Аллаха... чтобы» включается обращение к нему Пророка ислама: «ничего не делай, пока не придешь ко мне»⁸, т. е. фрагмент содержит прямую речь в прямой речи без должного оформления второй прямой речи как прямой речи или же без надлежащей ее перестройки в косвенное переложение, но с подготовкой такого перехода: «чтобы...», после чего и должна была следовать косвенная речь.

Соответственно более гладкий перевод с использованием косвенного изложения второй прямой речи в первой: «*И если бы не повелел мне Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, чтобы я ни-*

Хакиму в своей прямой речи корректно сократить свою же предшествующую прямую речь.

⁸ Соответствующий хадис с единственным отличием (*алла /ан + ла/* вместо равнозначного *ан ла*) приводится в содержательном комментарии к суре «Сонмы» (33:10) в фундаментальном труде Ибн Касира (ок. 700-774 / ок. 1300-1373) [4, т. 6, с. 386].

чего не делал, пока не приду к нему — и лишь потом [я мог бы делать], что захочу — я сразил бы его (Абу Суфйана. — А.К.) стрелой» дальше отстоит от оригинала⁹.

Едва ли в данном случае имело бы смысл говорить о сознательном стилистическом приеме характерном для высокоразвитой литературной техники зрелой прозы, достойном отдельного разбирательства в духе работ М.М. Бахтина. Выдающийся ученый рассматривает случаи сознательной установки писателей на нарочитую имитацию речевых интонаций, неправильных разговорных форм речи в письменной (художественной) речи. У Ибн Исхака же, вероятнее всего, мы имеем дело с еще не до конца отредактированной литературной прозой¹⁰. Составитель труда, включив инородный элемент в свое повествование, не полностью его «олитературил»: наставление Мухаммада, сформулированное как прямая речь, оформлено в процитированном фрагменте как косвенная речь.

Рассмотренные нами примеры, конечно же, не охватывают всего многообразия использования форм прозаической речи как приема сюжетного повествования в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн

9 С указанными сложностями столкнулись и авторы английского и французского переводов. Английский перевод: «Were it not that the apostle had enjoined me not to do anything else until I returned to him, if I wished I could have killed him with an arrow» («Если бы не было так, что Апостол повелел мне не делать что-либо еще пока я не вернусь к нему, я, если пожелал бы, мог убить его стрелой») [10, p. 460]. Синтаксис английского перевода сложный, тем не менее переводчику не удается сохранить прямую речь в прямой речи арабского текста, и он передает вторую прямую речь в косвенной.

Французский перевод: «Si ce n'était mon engagement envers l'Envoyé d'Allah de: «ne rien faire avant que tu reviennes à moi», j'aurais tué Abû Sufiân par une flèche» («Если бы не мое обязательство перед Посланником Аллаха «ничего не делать пока ты не вернешься ко мне», то я убил бы Абу Суфйана стрелой») [9, t. II, p. 185]. Во французском тексте передана неловкость сочленения в оригинале прямой речи повествователя и прямой речи Мухаммада: «мое обязательство... «ничего не делать пока ты не вернешься ко мне», но опущены слова «сумма ши'ту» (в нашем переводе: «и лишь потом [я мог бы делать], что захочу», в английском: «if I wished»), и смысл фразы меняется.

10 У ал-Вакиди при точном (за одним исключением: отсутствует 'ан /чтобы/) воспроизведении данного текста находим корректное оформление прямой речи в прямой речи: *ва-лав ла 'ахду расули 'л-лахи салла 'л-лаху 'алай-хи ва-саллама 'илай-йа "ла тухдис иай'ан хатта та'ти-ни", сумма ши'ту, ла-каталту-ху би-сахмин* («И если бы не повелел мне Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует: "Ничего не делай, пока не придешь ко мне" — и лишь потом [я мог бы делать], что захочу — я сразил бы его стрелой») [2, с. 490].

Хишама. Наша задача была показать, что на данном направлении перед востоковедами-медиевистами стоят еще многие нерешенные проблемы классических арабских историографических сочинений.

Список литературы

- 1 *Адрианова-Перетц В.П.* Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970. С. 67–107.
- 2 *Вакиди, ал- М. /Мухаммад ибн ‘Умар ибн Вакид/.* Китаб ал-магази (Книга походов): в 3 т. / подг. текста, араб. и англ. предисловия М. Джонса. Изд. 3-е. Бейрут: ‘Алам ал-кутуб, 1984. 1324 с.
- 3 *Ибн Исхак – Ибн Хишам.* Жизнеописание Пророка. Великая битва при Бадре / предисл. А.Б. Куделина; пер. с араб. и комм. А.Б. Куделина и Д.В. Фролова; подг. араб. текста и комм. М.С. Налич. М.: Ин-т Европы РАН, «Русский сувенир», 2009. С. 55–56.
- 4 *Ибн Касир.* Тафсир ал-Кур’ан ал-‘азим (Комментарий к Корану): в 8 т. Изд. С. ас-Салама. Изд. 2-е. Эр-Рияд: Дар таййиба ли-н-нашр ва-т-тавзи’, 1999. Т. 6. 599 с.
- 5 *Куделин А.Б.* «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама: между историографией и литературой // *Studia Litterarum.* 2016. Т. 1, № 1–2. С. 91–107.
- 6 *Лихачев Д.С.* Возникновение русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 240 с.
- 7 *Творогов О.В.* Сюжетное повествование в летописях XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970. С. 31–66.
- 8 *Das Leben Muhammed’s nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām.* Herausgegeben von F. Wüstenfeld. Bd. I–II. Göttingen, 1858–1860. Bd. I.
- 9 *Ibn ‘Ishāq.* La Vie du Prophète Muḥammad, l’Envoyé d’Allāh. Recension d’Abī Muḥammad ‘Abd al-Malik Ibn Hishām d’après Zayd Ibn ‘Abd Allāh al-Bakkā’ī d’après Muḥammad Ibn ‘Ishāq. Traduction française avec introduction et notes par ‘A. Badawī. T. I–II. Beyrouth: Dar Albouraq, 2001. 654 p. + 608 p.
- 10 *The Life of Muhammad. A Translation of Ishāq’s (sic!) Sīrat Rasūl Allāh.* With Introduction and Notes by A. Guillaume. L.: Oxford University Press, 1955. XLVII + 815 p.

References

- 1 Adrianova-Peretz V.P. Siuzhetnoye povestvovaniye v zhitinykh pamyatnikakh 11th–13th vv. [A Plot-Organized Narrative in Hagiographic Texts of the 11th–13th centuries]. *Istoki russkoi belletristiki. Vozniknoveniye zhanrov siuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoi literature* [Origins of the Russian Belles Lettres. A Rise of Genres of Plot-Structured Narrative in Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 67–107. (In Russ.)
- 2 Wāqidi, Muḥammad ibn ‘Umar. *Kitāb al-maghāzī lil-Wāqidi* [The Book of Campaigns]: in 3 vols. Text prep. by M. Jones. Bayruṭ, ‘Ālam al-kutub Publ., 1984. 1324 p. (In Arabic)
- 3 Ibn Ishaq – Ibn Hisham. *Zhizneopisaniye Proroka. Velikaya bitva pri Badre*. [The Life of the Prophet. The Great Battle of Badr]. Foreword by Kudelin A.B., trans. from the Arabic and Notes by Kudelin A.B., Frolov D.V. Arabic text is prepared and comment. by Nalich M.S. Moscow, 2009, pp. 55–56. (In Russ.)
- 4 Ibn Kathīr, Ismā‘īl ibn ‘Umar. *Tafsīr al-Qur‘ān al-‘azīm*: in 8 vols. 2nd ed., al-Riyād: Dar Tayyiba li al-nashr wa al-tawzī‘, 1999. Vol. 6. 599 p. (In Arabic)
- 5 Kudelin, A.B. “Zhizneopisaniye proroka” Ibn Iskhaka – Ibn Khishama: mezhdu istoriografiye i literaturoi. [“The Life of Muhammad” by Ibn Ishāq – Ibn Hishām: Between Historiography and Literature]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no. 1–2, pp. 91–107. (In Russ.)
- 6 Likhachev D.S. *Vozniknoveniye russkoi literatury*. [The Origins of Russian Literature]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952. 240 p. (In Russ.)
- 7 Tvorogov O.V. Siuzhetnoye povestvovaniye v letopisyakh 11–13 vv. [A Plot-Organized Narrative in the Chronicles of the 11th–13th centuries]. *Istoki russkoi belletristiki. Vozniknoveniye zhanrov siuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoi literature*. [Origins of the Russian Belles Lettres. A Rise of Genres of Plot-Structured Narrative in Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1970, pp. 31–66. (In Russ.)
- 8 *Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām*. Herausgegeben von F. Wüstenfeld. Bd. I–II. Göttingen, 1858–1860. Bd. I. (In German and Arabic)
- 9 Ibn ‘Ishāq. *La Vie du Prophète Muḥammad, l’Envoyé d’Allāh. Recension d’Abī Muḥammad ‘Abd al-Malik Ibn Hishām d’après Zayd Ibn ‘Abd Allāh al-Bakkā‘ī d’après Muḥammad Ibn ‘Ishāq*. Traduction française avec introduction et notes par ‘A. Badawī. T. I–II. Beyrouth, Dar Albouraq, 2001. 654 p. + 608 p. (In French)
- 10 *The Life of Muhammad*. A Translation of Ishāq’s (sic!) *Sīrat Rasūl Allāh*. With Introduction and Notes by A. Guillaume. London, Oxford University Press, 1955. XLVII + 815 p. (In English)